

лицу. Тогда онъ забрался въ царскій садъ, въ завѣтный колодецъ пустилъ нѣсколько ягодинокъ. Попадаются эти ягоды дѣвкѣ-чернавкѣ. Она, польстившись, ихъ съѣла, сдѣлалась неописанной красавицей. Гуляя, принцесса, по саду, спросила ее: „чья ты, голубушка?“ — „Я ваша вѣрная прислуга дѣвка-чернавка“. — „Какъ это я васъ не могу признать?“ — „Виновата, я съѣла нѣсколько ягодинокъ, которыя попались въ колодецъ“. — „Ахъ, голубушка, поищи, нѣтъ-ли еще“. — „Кромѣ орѣховъ ничего не нашла, только плаваютъ они одинѣ“. — „Давай ихъ сюда“. Она съѣла съ жадностью и сдѣлалась старою и малоумною. Тутъ не знали, что съ ней дѣлать. Начали ее лѣчить, но лекарства никакія не помогали. День ото дня все хуже. Тогда Иванъ, купеческій сынъ, назвался докторомъ. — „Я могу, говорить, вылѣчить за три завѣтныя у ней вещи; она ихъ сама знаетъ“. Министры предложили, что ему угодно за леченіе. Тогда онъ далъ ей съѣсть нѣсколько ягодинокъ. Она сдѣлалась лучше прежняго, молодою красавицей и стала вполне здорова. Тогда всѣ начали его благодарить и какой хотите награды? — „Есть у ней три завѣтныя вещи: коверъ-самолетъ, боченокъ разводной и кошелекъ-самотрясъ“. — „Съ чего ты это взялъ? такихъ вещей у меня совсѣмъ нѣтъ“. Тогда онъ видитъ себя осмѣяннымъ, взялъ корень, который взять былъ отъ дерева, ударилъ имъ принцессу и промолвилъ: „была царь-дѣвица, а теперь будь пѣгая кобылица, а вы были сенаторы-молодцы, будьте воронье жеребцы“. Запрягъ кобылу въ корневые санки, а вороныхъ жеребцовъ на арканъ и затѣмъ уѣхалъ къ брату въ столицу, началъ тамъ хвастовать коннымъ заводомъ. Его спросили: „кто вы такіе, имѣете ли видъ?“ — „А вамъ какое дѣло“. Нѣкоторыхъ жеребцовъ продалъ, а нѣкоторыхъ у него такъ взяли. Его предали суду, отправили въ острогъ. Первые дни, сидя въ острогѣ, напоилъ всѣхъ арестантовъ пьяными. Весь караулъ отдалъ невинно подъ арестъ. На другой день арестантовъ выпустилъ на коврѣ-самолетѣ, остался одинъ. Подозрѣніе пало на него, что онъ выпустилъ. Тогда объ этомъ преступникѣ донесли царю. Царь осудилъ его на смертную казнь. Царь захотѣлъ видѣть лично преступника, сказалъ ему: „какъ ты смѣлъ учинить оголовное преступленіе, ты повиненъ смертному суду“. — „А забылъ, какъ

ты самъ былъ повиненъ смертному суду?“ — „Какому?“ — „А не дожидаясь о. дьякона, птицу скупалъ“. — „Да какъ тебя звать?“ — „Иванъ, купецкой сынъ“. — „Голубчикъ, Ваня! итъ ты мнѣ братъ, кто тебя довелъ до такого положенія?“ — „Ваше правительство отняли у меня жеребцовъ и кобылу“. — „Такъ это всё? Вамъ возвратятъ“. — „Я хочу, чтобы мое сейчасъ было при мнѣ“. Всё было доставлено. Сѣли въ корневые санки и поѣхали во дворецъ. Царь приглашаетъ, пожалуйста! Тогда беретъ корень. „А что, впередъ будешь“, говоритъ пѣгой кобылѣ. Лошадь ничего не отвѣчала, только падали у ней слезы раскаянія. Взялъ корень, охлыснулъ и сказалъ: „была пѣгая кобылица, будь постарому царь-дѣвица, а вы, воронные жеребцы, будьте постарому сенаторы и генералы-молодцы“. — „Что ты, братъ, боишься ли Бога, на комъ ты ѣдишь, на людяхъ“. — „Они сами до того довели, пожалуйста дайте мнѣ помѣщеніе“. — „Прошу покорно!“ Тогда онъ женился на царь-дѣвицѣ, сдѣлался великимъ княземъ. — „А отцу давали вы знать?“ — „Нѣтъ, во время твоего отсутствія я самъ боялся за твою жизнь“. Дали отцу знать, донесли на свою мать за ея злой поступокъ, приговорили ее въ заточеніе, а они остались жить.

Калязинскій у. 1886 г.

178. [Хитрая жена].

Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ до старости лѣтъ въ бѣдности, имѣя бѣдность и одно (такъ) сына, сталъ предъ смертнымъ концомъ благословлять его. „Благословляю тебя, сынъ мой, чтобы ты жилъ справедливо, какъ отецъ твой; хотъ живи бѣдно, но чужаго ничего не бери и не задерживай“. Затѣмъ померъ. Сынъ его, молодой человѣкъ, послѣ отца вздумалъ жениться. По волѣ родительницы матери послали сваху къ невѣстѣ. Имъ дали отказъ; они въ другое, третье мѣсто—тоже отказъ; они послали къ богатымъ и бѣднымъ—вездѣ всё отказъ. Тогда говоритъ сынъ матери: „если ты настаиваешь женить меня, пойду я самъ искать себѣ невѣсту“. Долгое время искалъ и странствовалъ, исходилъ много мѣстностей, наконецъ обночалъ и въ лѣсу,

найдя одное хижиноу. Въ ней жилъ пустынный. Онъ осмотрилъ въ оконцо, старецъ молился передъ распятіемъ на колѣняхъ. Онъ далъ ему кончить молитву, началъ проситься для ночлегу. Отвѣтъ былъ таковъ: „кто ты, рабъ Божій“.—„Я заблудился, прикрой меня отъ темной ночи и звѣрей“.—„Милости просимъ, сынъ“, старецъ отвѣчалъ. Помолясь иконамъ, старичку отвѣсилъ поклонъ. „Что тебя сюда, дитя мое, завлекло, чай ѣсть хочешь?“ Подаль ему скудной отшельнической ужины. — „Вотъ, дѣдушко, ищу себѣ подругу въ жены, нигдѣ не могу найти, есть ли хоть она, рождена ли моя суженая невѣста?“ — „Ложись, мой сынъ, спать съ Богомъ; есть твоя невѣста, я тебя разбужу завтра рано“. Ему и ночь не спалось, все думалъ объ невѣстѣ. Старецъ утромъ будить, а онъ давно готовъ. „Ступай, дитя мое, по этой тропчкѣ, дойдешь ты—будетъ озеро, спрячъся тамъ въ кустѣ близъ озера; на это озеро летаютъ купаться три родныя сестры - голубицы; когда раздѣнутся, будутъ купаться, ты у одной возьми платье и опять спрячъся въ кустъ, прочія сестры одѣнутся и улетятъ, она же безъ платья не можетъ летѣть, будетъ съ плачемъ и причетами вызывать: „кто взялъ мое платье, старый чело-вѣкъ, будь мой дѣдушко, среднихъ лѣтъ—батюшко, молодыхъ лѣтъ—будь мой суженый женихъ“, тогда ты помоги ей одѣться и приведи ко мнѣ; я тебя, свѣтъ, повѣнчаю, та будетъ твоя суженая невѣста, я имѣю чинъ пресвитера“. Какъ сказалъ, такъ молодой чело-вѣкъ и сдѣлалъ. Идя по тропкѣ, замѣтилъ озеро, сѣлъ въ кустъ и сталъ дожидаться. Долго ждалъ, наконецъ прилетаютъ три голубицы, родныя сестры. На лету какъ бы ударились о землю, сдѣлались прекрасными дѣвицами, раздѣлись и стали купаться. Платья ихнія были все разноцвѣтныя. Онъ и унесъ голубое платье; та была меньшая царская дочь, принцесса. Когда выкупались, двѣ стали одѣваться, а третья еще купалась. „Сестра, долго ли мы будемъ ждать тебя?“ — „Очень хорошо здѣсь купаться, я бы все купалась“. — „Мы ждать тебя не будемъ, пора домой“. Когда вышла, она не могла найти платье.—„Сестрицы, не вы ли пошутили, взяли мое платье?“ — „Мы не видали, гдѣ ты раздѣвалась“. Подождавъ тѣ улетѣли, а она осталась съ горькими слезами и причетамъ. Сжавъ дѣтскую стыдливость, начала искать платье и спра-

шивать: „если старъ человѣкъ взялъ, будь мой дѣдушка, среднихъ лѣтъ—батюшка, молодыхъ—мой суженый женихъ“. Тогда молодой человѣкъ выходитъ изъ куста, подаетъ ей платье, самъ ее рукою придерживаетъ, помогая ей одѣваться и ведетъ ее къ старцу отшельнику. Тотъ немедленно принялъ съ радостью, поставилъ свой молитвенный налой, обвѣнчалъ по долгу православному, предложилъ трапезы, потомъ отпустилъ съ молитвою и благословеніемъ въ родное жительство къ матери. Тихонько наказалъ молодому человѣку: „возьми голубое вѣнчалное платье, спрячь отъ нее, а то она улетитъ отъ тебя, тогда ты будешь не женатъ, ни холостъ“. Онъ такъ и сдѣлалъ, придя домой. Мать сильно обрадовалась такой снохѣ красавицѣ, не знала, что дѣлать, готова невѣстку на рукахъ носить.

Царевна распорядилась такъ: купила въ городѣ домъ, купила лавку съ разными товарами, мужа заставила торговать, а онъ не знаетъ, откуда она такое множество набрала денегъ. Имѣя много у себя приказчиковъ, чрезъ нѣкоторое время послала его торговать за границу, сама же стала ходить съ матерью въ храмъ Богу молиться. Разъ въ праздничное время пришли деревенскіе родные гости, стали молодую выхвалять, какая у тебя невѣстка красавица. „Не такая бы я была красавица, если бы надѣтъ мнѣ вѣнчалное платье“. Свекровь говоритъ: „а ты отъ насъ, дочка, улетишь“.—„Куды же я улечу“. А ее родные говорятъ: „мы подержимъ, не дадимъ летѣть“. Одѣлась въ вѣнчалное платье, обратилась въ голубя и была такова. Закричали: „держите“, но уже поздно. Старуха свекровь чуть съ ума не сошла. Родные погоревали и ушли домой, оставили старуху одну горе мыкать. Приѣзжаетъ сынъ на корабляхъ; первымъ долгомъ: „всѣ ли здорово“, нѣсколько разъ спрашивалъ мать, а та сидитъ, какъ безумная. „Ахъ ты, старый чортъ, кабы не мать, убить бы тебя слѣдовало. Оставайся, старая корга, живи одна“. Пошелъ, пригорюнился, куда глаза глядятъ, на то самое озеро, гдѣ первый разъ увидалъ ее. Долгое время дожидался, ничѣмъ не могъ дождаться. Пошелъ въ лѣсъ, замѣчаетъ: левъ дерется съ змѣею удавомъ; змѣй говоритъ: „молодой человѣкъ, заступись за меня“, а левъ говоритъ: „заступись за меня“.—„За кого мнѣ лучше заступиться?“ Взялъ рычажину,

думаетъ: „дай заступлюсь лучше за льва, онъ вреда менѣе дѣлаетъ человѣку“. Размахнулся, ударилъ по змѣю, змѣя съежился, левъ этимъ временемъ разорвалъ его. Началъ благодарить: „вотъ тебѣ изъ моей гривы нѣсколько волосъ въ знакъ памяти, когда постигнетъ тебя черный день или какая крайность, вспомяни, я къ тебѣ и явлюсь на помощь“. Пошелъ далѣе, смотреть — заноситъ страшную тучу, сверкаетъ молонья и громъ, пускается градъ съ дождемъ. Онъ скрывается подъ вѣтвистымъ дубомъ, слышитъ, на дубу какія то птички-дѣти пищать, „дай я ихъ прикрою отъ непогоды“. Взялъ съ себя верхнюю одежду и прикрылъ дѣтей птицы. Погода прошла благополучно. Прилетаетъ ихній отецъ—орелъ. „Живы ли, дѣтушки мои, я леталъ добывать вамъ пищи“. — „Не были бы мы живы, ка-бы не молодой человѣкъ спасъ насъ“. — „Гдѣ онъ находится?“ — „Внизу подъ дубомъ“. Слетаетъ и благодарить его. „Вотъ тебѣ въ знакъ благодарности изъ моего гребешка три пѣрышка, если тебѣ нужно, помяни меня: „орелъ-птица, явись ко мнѣ“, тогда я и тебя могу избавить отъ напасти“. Изъ лѣса выходитъ на море, смотритъ на мелководье; обмелѣла кить-быба: „молодой человѣкъ, помоги мнѣ“. Взялъ вагу (большое дерево), началъ подъ нее подбивать, а она усиленно стараться. Наконецъ съ усиліемъ могла съ меля сплыть, три раза въ глыби окупулася, начала благодарить, а онъ началъ спрашивать: „не знаешь ли, кить-рыба, гдѣ здѣсь живетъ царевна?“ — „Вонъ ступай на правую сторону“. Приходитъ въ столицу, спрашиваетъ: „гдѣ живетъ вашъ властитель?“ Показали. Онъ спрашиваетъ: „что тебѣ надо?“ — „Здѣшняго властителя или царя дочь была моей женой“. — „А ты кто такой?“ — „Я государственный крестьянинъ“. — „Ахъ ты, мужикъ-сипачъ, какъ ты смѣешь называться царскимъ зятемъ? Составить надъ нимъ судъ и казнить его“. Сенаторы заступились: „нельзя человѣка предавать смертной казни, не испытавши. Ваша дочь умѣетъ все на свѣтѣ видѣть и находить, а онъ можетъ быть отъ нее куда и спрячется“. — „Ну, можешь ты отъ моей дочери спрятаться, гдѣ бы ни на есть?“ — „Могу, Ваше Величество!“ — „Ну прячься“. Тогда вспомнилъ онъ льва. „Левъ-звѣрь, спрячь ты меня, куда нибудь отъ смерти“. Тогда явился левъ, велѣлъ ему садиться на него и держаться. Завезъ его за

тридевять земель, въ дремучій лѣсъ, положилъ подъ сваленное дерево, колоду называемое, и самъ его заслонилъ своимъ бокомъ. Утромъ встаетъ какъ царевна или его жена, беретъ волшебное зеркало и отгадываетъ, гдѣ мужъ ея находится. Говорить: „посмотри-ка, гдѣ у меня мужъ находится? Царь звѣрей левъ унесъ его на своемъ хребтѣ въ дремучій лѣсъ, положилъ его подъ упавшее дерево и заслонилъ его самъ собой“. Тогда левъ, узнавши это: „молодой человѣкъ, куда тебя доставить?“ — „Доставь, гдѣ я былъ“. Тогда спрашиваютъ его: „что, любезный, не умѣлъ спрятаться? ты находился подъ прикрытіемъ льва; если можешь, поди ты второй разъ спрячься, а если въ третій разъ не спрячешься, казненъ будешь смертью“. Второй разъ помянулъ онъ орла-птицу. Тогда она къ нему явилась и велѣла сѣсть на спину и занесла его подъ облака, поставила надъ дворцомъ на воздухъ. Царевна опять посмотрѣла въ волшебное зеркало и узнала, гдѣ онъ находится. Птица орелъ извѣстила ему, что ты не могъ укрыться, по его произволу спустила на землю, тогда его уличили, что онъ не могъ спрятаться. „Вотъ тебѣ послѣдній разъ“. Тогда онъ просилъ китъ-рыбу спрятать его. Былъ цѣльные сутки у ней въ утробѣ, по всѣмъ морямъ носила она его въ себѣ, наконецъ занесла его подъ землю и поставила подъ дворцомъ, и въ третій разъ былъ найденъ. Тогда сенаторы заступились за него сказавши: „пускай въ четвертый разъ спрячется“. Не находя никакого исходу, куда спрятаться, пошелъ повѣся голову, самъ не зная куды спрятаться. Двѣ горничныя принцессы сжалились надъ нимъ и говорили такъ: „давай, молодого человѣка спрячемъ“. — „Такъ что, давай, мы отъ его жены немного добра видали, а если когда достанемся мы въ приданое съ его женой, можетъ быть намъ лучше будетъ“. — „Пожалуй, давай, спрячемъ“. Тогда онъ тихонько заманили его въ дѣвичью, накормили, напоили; послѣ во время поздней ночи тихонько проводили въ спальню его жены, тихонько спрятали подъ ее кровать. Тогда она возвращалась съ прогулки съ сестрами изъ саду. Прислуга раздѣла ее, и легла она въ постель. „Куда ты, мужъ мой, спрятался?“ Онъ, лежа, помалчивалъ, и ей что-то не спалось. Наконецъ встаетъ рано утромъ, беретъ волшебное

зеркало, нѣсколько разъ кидала на землю на море и на воздухъ, нѣсколько разъ повторяла это же самое, такъ что нигдѣ не можетъ видѣть. Она начала со зла еще нѣсколько разъ повторять. Осердяся разбила зеркало, думая, что оно ей измѣнило; „выходи, мужикъ, негодяй, гдѣ ты?“ Онъ вылѣзаетъ изъ подъ кровати. „Каково, папаша! Тогда я не могла найти по зеркалу мужа“. Царь призналъ его законнымъ зятемъ, щедро наградилъ и отпустилъ во свояси.

Калязинскій у. 1886 г.
